

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.52-59

Л. Дж. Петряков

ПАРАДОКС ЭМПАТИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Многие исследователи замечали, что в русской литературе злая сила противопоставлена бессильному добру и попытка реализации сюжета в духе традиционной для Запада «борьбы добра со злом» приводит к необходимости союза добра с некоторым злом, «размывания» самих понятий добра и зла. Чтобы разобраться в данном вопросе, обратимся к более широкому «парадоксу художественной литературы», ставшему основой философии художественной литературы (*philosophy of fiction*). Суть парадокса состоит в вопросе адресации нашей эмпатии, сочувствия, испытываемого по отношению к герою и предполагаемой неравноценности для нас реальных людей и персонажей. В русской литературе герой, как правило, — «маленький человек», противопоставленный «большому» и злему. Две главные черты маленького человека — социальное одиночество и уход от реальности. Сочувствие маленькому человеку ставит сочувствующего в положение «большого», требует идентификации с ним, как с источником добра и порядка, но такая позиция делает нас «добрыми злодеями». Наша эмпатия по отношению к нему не переходит в солидарность с ним и деятельную его защиту, оставаясь скрытой жалостью к самому себе, лицемерием.

Ключевые слова: эмпатия, сострадание, литература, мифологическое сознание, «маленький человек».

Ссылка для цитирования: Петряков Л. Дж. Парадокс эмпатии в русской литературе // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 52—59.

Original article

L. D. Petryakov

THE PARADOX OF EMPATHY IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. Many researchers have noticed that in Russian literature, evil power is opposed to impotent good, and an attempt to implement the plot in the spirit of the traditional Western “struggle between good and evil” leads to the need for a union of good with some evil, “blurring” the very concepts of good and evil. To understand this issue, let’s turn to the broader “paradox of fiction”, which has become the basis of the philosophy of fiction. The essence of the paradox is the question of addressing our empathy, the empathy we feel towards the hero and the perceived disparity between real people and characters for us. In Russian literature, the hero is usually a “little man”, opposed to the “big” and evil. The two main features of a small person are social loneliness and withdrawal from reality. Empathy for a small person puts the sympathizer in the position of a “big one”, requires identification with him as a source of goodness and order, but this position makes us “good villains”. Our empathy towards him does not translate into solidarity with him and active protection, remaining hidden by self-pity and hypocrisy.

© Петряков Л. Дж., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 52—59 •

Keywords: empathy, compassion, literature, mythological consciousness, “little man”.

Citation Link: Petryakov L. D. (2025) The paradox of empathy in Russian literature, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 52—59.

Русская классическая, «высокая» литература всегда отличалась чувственностью, эмпатией к своим персонажам. Сочувствием, состраданием, сопереживанием герою произведения достигались две цели: объединение читателя и героя и гуманизации жизни, через которую мысль автора проникала в душу читателя. А. Шопенгауэр считал, что через сострадание другому человек отклоняет природную волю эгоистических инстинктов, делая ее собственно человеческой волей. А одно из первых «определений» эмпатии дал З. Фрейд: «Мы учитываем психическое состояние пациента, ставим себя в это состояние и стараемся понять его, сравнивая его со своим собственным» [Фрейд, 2006: 136]. Порой мы «заражаемся» эмоциями персонажа произведения, воспринимая его более «живым», чем реальные люди.

С точки зрения буддизма, сострадание — это желание освободить другого от страданий, взять его боль «на себя», после чего должно последовать деятельное участие в судьбе другого. Это «высокий» смысл сострадания. Но есть и «низкий» смысл: неудовольствие, испытываемое по поводу чужого несчастья. Это пессимизм, разочарование в жизни, уныние. Ницше писал, что через сострадание теряется сила [Ницше, 2007]. Помочь герою произведения действительно невозможно, а помогать прототипам порою нет ни сил, ни желания. Результатом общего сострадания становится равнодушие: вместо помощи говорят: «А кому сейчас хорошо?» По Ницше, сострадание — это практика нигилизма. С точки зрения И. Канта, сострадание имеет ограниченную моральную ценность, так как оно «слепое, неразумно, а потому не морально» [Чанышев, 2010: 642—643]. Действительно, какова цена и, соответственно, ценность поступка сострадающего, если этого поступка нет? Тем не менее мы страдаем персонажам и образам медиа, эксплуатирующим наши чувства «эффектом опознаваемой жертвы», экстраполируя ее черты на себя и своих близких, погружаясь еще более в безволие и пессимизм.

Поскольку чувствам свойственно возрастать, тем более, если они не имеют практического выхода: совершив добрый поступок в отношении страдающего человека, сострадатель получает моральное удовлетворение, и его сила духа возрастает. Если же сострадание просто распространяется вокруг, погружая людей в пессимизм, то отрицательные чувства так же требуют выхода, а не найдя его, усиливаются, переходя в агрессию и насилие. Положительными примерами нравственных поступков в художественном произведении являются рассказы Людмилы Улицкой, герои фильмов Чарли Чаплина. Несмотря на маргинальность, их персонажи не проваливаются на социальное «дно», не превращаются в «насекомых», как в книгах В. Пелевина, а борются с жизненными проблемами и нередко побеждают!

К отрицательным примерам, можно отнести произведение «Не кормите и не трогайте пеликанов» [Аствацатуров, 2019], герои которого похожи на пеликанов: они нелепые и опасные. Главный герой — «аутист» — живет в своем обособленном мире. В его мире ничего ему не принадлежит — ни любимая женщина, ни работа. За последние годы Андрею «не надо ничего решать», «все

происходит само собой»; его «то берут на работу, то увольняют, куда-то толкают, везут, тащат». И это отсутствие необходимости что-то решать Андрею нравится: «накатывает безволие».

Эмоциональным выходом из этого состояния могут быть злоба и месть. Многие исследователи [Homo scriptor, 2020] замечали, что в русской литературе злая сила противопоставлена бессильному добру и попытка реализации сюжета в духе традиционной для Запада «борьбы добра со злом» приводит к необходимости союза добра с некоторым злом, применения его приемов и «размывания» самих понятий добра и зла. Мы не считаем эту особенность фундаментальным фактом, характерной чертой и т.п. Но причина возникновения такого, пусть даже упрощенного впечатления о существенной черте русской литературы требует анализа.

В русской литературе герои (главные персонажи), как правило, контрастны, противопоставлены друг другу в качестве представителей разных классов, поколений, носителей разных идей: Катерина и Кабаниха; Базаров и Кирсанов; Чичиков и провинциальные помещики. Это альтернатива большой / маленький человек. Если же явного антипода в произведении нет, то главный персонаж в нем противопоставлен безликой Системе, бездуховному обществу, т. е. коллективному «большому». Исходя из этого противопоставления, мы можем предположить, что читатель произведения будет сочувствовать маленькому человеку, идентифицируя себя с ним и приписывать «маленькому» лучшие из своих качеств. Это отсылает нас к новоевропейской, просвещенческой мысли, что человек рождается без греха, он — «чистая доска», «святой», «благородный дикарь».

Но «что такое маленький человек? Он всегда один. Даже если их двое или трое, они все равно одни. Маленький человек не вписывается в систему ценностей и ориентиров Больших людей, поэтому существует как бы между строк. Вроде бы и есть он, вроде бы и нет. Так что маленький человек в России начинает исчезать и, быть может, скоро исчезнет вовсе. Большие люди, прекрасно понимая бесполезность и даже вредность маленького человека и имея, наконец, необходимые средства для его ликвидации, начинают вытеснять его с исторической сцены. (*Хорошо ли это? И кто придет ему на смену?* — прим. Л. П.) ... Ему, как первобытному человеку, кажется, что основные законы мироздания непознаваемы, что ума нам хватает лишь на мелкие практические дела, что самые важные вещи в жизни понимаются не умом и т. д. <...> маленький человек недостаточность умственного развития компенсирует воображением и фантазией. Привыкнув в детстве представлять себе сказочные картины, в которых сам принимает активное участие, его сознание сохраняет до конца жизни эту ненужную, далекую от реальности и противоречащую разуму привычку. Поэтому жизнь маленького человека складывается как бы из двух частей — реальной и воображаемой, причем последняя кажется намного приятнее и значительнее [Фетисов, 2009: 119]. То есть две главные черты маленького человека — социальное одиночество и уход от реальности.

Маленький человек может быть помещен между вещью (шинель) и личностью [Гусейнова, 2020]. У Гоголя он скорее вещь, элемент сюжета или анекдота, «одномерный» человек. Для Померанца важнее именно социальная дистанция между «маленьким человеком» и «сильными мира сего», которые этого человека «топчут» [там же: 243]. Раз «маленький человек» слаб, он автоматически получает статус «ничтожества», лишается любви, интереса и даже сочувствия. Наша

эмпатия по отношению к нему не переходит в солидарность с ним и деятельную его защиту, оставаясь скрытой жалостью к самому себе, лицемерием.

К примеру, Вавилен Татарский из «Generation П» [Пелевин, 1999] синонимичен герою «Матрицы» Братьев Вачовски. Но в отличие от Нео из «Матрицы», Дон Кихота и множества европейских героев, Вавилен не борется с Системой, а стремится подчинить ее себе, встать во главе. Виртуальная реальность при этом является симулякром: это копия того, чего уже нет или вообще никогда не было. Товары, которые рекламирует Вавилен, создают искусственный образ счастливого человека, который не имеет ничего общего с правдой. Воспоминание о подлинном и высоком у Вавилена оформляются в форму облака. Но «Облака» — комедия Аристофана, высмеивающая мудрость Сократа. «Жизнь успела вытеснить эту странную субстанцию из души, и ее осталось ровно столько, чтобы можно было вспомнить о ней на секунду и сразу же потерять воспоминание», — говорит Вавилен. По сути, его можно назвать плутом, негодяем, подобным П. Чичикову, О. Бендеру, хотя, учитывая масштаб происходящего в романе, он гораздо хуже и опаснее.

Однако человек-читатель испытывает к такому персонажу, а через него и к себе, амбивалентные чувства, поскольку логика проявления чувства требует его развития: для проявления агапе сочувствующему нужно быть выше и сильнее того, кому он сочувствует. Сочувствие маленькому человеку ставит сочувствующего в положение «большого», требует идентификации с ним, как с источником добра и порядка. Как это происходит, например, в произведениях Чарльза Диккенса, Конан Дойла, Агаты Кристи. Но логика произведения русской литературы этому противится: большой — злодей, угнетатель «маленького». А стать «большим», оставаясь добрым — почти невозможно. В связи с этим остается один выход: считать положительным того, кто живет хитростью, обманом «больших» людей и самой жестокой жизни. Тогда Вавилена, О. Бендера и П. Чичикова можно поставить в ряд с Али-Бабой, Ходжой Насреддином и античным Сизифом.

В этом противоречии, сочувствуя маленькому, мы одновременно и невольно оправдываем поступки большого практикой, здравым смыслом или чем-то еще, что отсылает нас к известному психологическому комплексу и делает нас «добрыми злодеями». Чтобы избежать этого, мы должны видеть, что добро, честность, благородство явно присущи одному из персонажей, а другой лишен этих качеств. Но тогда это была бы банальная история, детская сказка, далекая от реальности. В детской же сказке, в отличие от мифа, парадокс невозможен, так как кроме героев: протагониста и антагониста, там есть третий элемент — добрая фея в «Золушке», Бог, Судьба, Справедливость. Читателю остается только дожидаться, когда вступит в действие этот третий элемент, и следить за включениями / страданиями героев, зная о «счастливом конце».

В чем преимущество нас, органических, белковых существ перед выдуманными (нами же) персонажами? Мы — смертны, они — нет. О каждом из нас знают десятки людей, о них — тысячи и миллионы; мы болеем и стареем, а они вечно молоды, сильны, мудры, счастливы. И все-таки это преимущество есть! Мы способны интерпретировать их и себя на живых, невыдуманных примерах. Понимать и быть понятым. Тогда как они способны задавать «рамки», образцы поведения, надевать «шоры» на наше сознание. Тогда почему они кажутся сильнее и мудрее нас? Потому, что мы «маленькие», нас знают десяток людей, мы

смертны и мы не хотим интерпретировать их. Поэтому парадокс есть, но только обратный: персонаж формирует коллективного героя, который молод, силен, бессмертен, хотя и состоит из смертных, больных, одиноких и немолодых людей. И является их идеалом!

К примеру, коллективный герой характерен для произведений Елизарова [Елизаров, 2024]: квазисемью у него образует ритуал. В «Библиотекаре» участники «громовского универсума» объединены тем, что читают обладающие магической силой книги забытого писателя-соцреалиста. Эти действия ведут к чуду: в мире всеобщего отчуждения возникает неразрывная связь сильных, мужественных, верных товарищей, всегда готовых к самопожертвованию друг для друга. Конечно, эта связь иллюзорна, пока не подкреплена чем-то извне. Но если персонаж может действовать как человек, то и человек способен стать персонажем своего произведения, своей истории жизни. Почему большинство людей не делают этого?

Чтобы разобраться в данном вопросе, обратимся к более широкому «парадоксу художественной литературы» [Шохин, 2021], ставшему основой философии художественной литературы (*philosophy of fiction*). Суть парадокса состоит в вопросе адресации нашей эмпатии, сочувствия, испытываемого по отношению к герою и предполагаемой неравноценности для нас реальных людей и вымышленных персонажей. Различные теории «парадокса» обосновывают адресацию к самому герою, читателю, прототипу, классу. Теория прототипов, наиболее влиятельная из всех теорий «парадокса», говорит о раздвоенности (эмоций) читателя между реальным прототипом и абстрактным персонажем, между реальностью и идеей, идеалом. Разумеется, в этом выборе читатель будет предпочитать реальность, в которой он и живет, хотя и страдать по идеалу как «потерянному раю», в который нельзя вернуться, но очень хочется! Но, следуя мысли, это ошибочная позиция [там же: 27], поскольку персонажи реальны (как представители третьего мира К. Поппера), и даже более реальны, чем их физические прототипы, чем сами читатели!

Парадокс художественной литературы не существует [там же: 29], поскольку отрицает или умаляет существование выдуманных героев. В философии существуют всего два критерия существования: «быть воспринимаемым» (Беркли и Кант) и действовать на других и/или испытывать воздействие на себе (Платон). Обоим этим критериям удовлетворяют едва ли не все герои выдуманных историй. Учитывая сегодняшнее взрывное развитие искусственного интеллекта и его влияние на все сферы жизни, скоро можно будет сказать, что «рассказывать историю» и «творить историю» это одно и то же. Сюжет произведения вполне может стать «реальным» событием нашей жизни, а чувства, испытываемые нами вследствие этого события, реализоваться в наших действиях. Следуя этой мысли, следующим шагом будет отмена понятия «фейк» и признание за каждым права утверждать свою правду в качестве общей истины.

По мнению Д. Чалмерса, создать полностью искусственный мир, даже в игре, невозможно [Ганюшина, 2021], как нельзя отменить арифметику, человеческие чувства, некоторую мораль, хотя можно предполагать как их физическую, так и вычислительную природу. О возможности последней и рассуждает Д. Чалмерс, согласно которому, «даже если все мы живем в одной большой компьютерной симуляции, ... наша жизнь все равно является полноценной» [там же: 63]. Но произведение — это всегда эксперимент, в том числе и в области

морали: правила жизни литературных героев могут «обгонять» реальность, что случается редко, чаще — они отстают или намеренно обостряют существующие конфликты, чтобы поставить «бескровный эксперимент» над человеком-читателем, подготовить его силы к реальной жизни.

Что же «не так» с русской литературой, больше похожей на миф, чем на сказку? «Достоевский художественно убедительно показал и доказал, что и “маленький” человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, “маленьким” (а может только лишь казаться таковым)» [Есаулов, Сытина, 2020: 426]. Это особая, «трансисторическая» интерпретация христианского реализма, предлагающая увидеть человека как сознательную жертву и рассмотреть жертвенность в качестве подвига. Русская литература XIX века во многом заменяла религию; но кто был в ней Богом? Такой ракурс рассмотрения делает более понятным, почему «низкий» смысл эмпатии у нас преобладает над «высоким». Это недостаток веры в воскресение этой жертвы. Для большинства читателей преимущество имеет социологическая интерпретация, в которой равнодушие и агрессия преобладают над солидарностью и взаимопомощью. Литература не делает жизнь, она ее «отражает» и пытается осмыслить.

Можно сделать предварительный вывод, что «большой / маленький» — это ложная альтернатива, подобная другим: «начальник / дурак»; «господин / раб». Это средневековая парадигма литературы. Г. Гегель показал, что персонажи последней антиномии переходят друг в друга, меняются местами: «Чтобы оградить себя от ошибок и неприятностей, господин должен верить рабу, руководствоваться не своим, а его суждением, т. е. признавать его. Фактически, он становится эпистемологическим рабом раба, а раб — господином господина» [Джохадзе, 2021: 101]. Господство как таковое — экзистенциальный тупик. Тем более социальное положение человека никак не характеризует его нравственных качеств, а равенство проще реализовать в человеческих отношениях, чем сложную иерархию, кроме того, что оно более справедливо.

Истинные альтернативы, способствующие развитию личности читателя, это простой / сложный человек: Дон Кихот и Санчо Панса; смелый / мудрый; молодой / пожилой; физик / лирик. Решение проблем «маленького человека» уже невозможно сменой «больших», невозможно без изменения его нравственных качеств и проявления в его повседневных поступках идеальных ценностей. Современные произведения русской литературы показывают предел, глубину колодца, из которого можно увидеть звезды и стремиться к ним из другого «света» здесь не дано.

Библиографический список / References

- Аствацатуров А. А. Не кормите и не трогайте пеликанов. М.: АСТ, 2019. 352 с. (Astvatsaturov A. A. *Do not feed and touch pelicans*, Moscow, 2019, 352 p. — In Russ.)
- Гусейнова Н. Н. К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3. С. 241—245. (Huseynova N. N. K. Images of a “small” person and an “extra” person in the literature of the 19th century, *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 241—245. — In Russ.)

Джохадзе И. Д. Новое прочтение «Феноменологии духа»: Брандом о Гегеле // *Философский журнал*. 2021. Т. 14, № 1. С. 98—110.

(Dzhokhadze I. D. A new reading of the “Phenomenology of the spirit”: Bandom about Hegel, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 98—110. — In Russ.)

Елизаров М. Ю. Библиотекарь. М.: АСТ, 2024. 480 с.

(Elizarov M. Y. *Librarian*, Moscow, 2024, 480 p. — In Russ.)

Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. «Маленький человек» Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21, вып. 3. С. 419—428.

(Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Dostoevsky's “Little man” in a historical and literary perspective: between a “thing” and a personality, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2020, vol. 21, iss. 3, pp. 419—428. — In Russ.)

Ницше Ф. Сборник произведений: «По ту сторону добра и зла», «Казус Вагнер», «Антихрист», «Ессе Номо». М.: Харвест, 2007. 880 с.

(Nietzsche F. *Collection of works: “Beyond Good and Evil”, “The Wagner Incident”, “Antichrist”, “Ecce Homo”*, Moscow, 2007, 880 p. — In Russ.)

Пелевин В. О. Generation «П». М.: Вагриус, 1999. 336 с.

(Pelevin V. O. *Generation “P”*, Moscow, 1999, 336 p. — In Russ.)

Танюшина А. А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // *Философский журнал*. 2021. Т. 14, № 4. С. 53—64.

(Tanyushina A. A. Virtual realism, information ontology of consciousness and structural realism in the philosophy of David Chalmers, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 53—64. — In Russ.)

Фетисов В. П. Маленький человек и большие люди // *Берегиня*. 777. Сова. 2009. № 4 (6). С. 118—131.

(Fetisov V. P. Little man and big people, *Bereginya*. 777. Sova, 2009, no. 4 (6), pp. 118—131. — In Russ.)

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука-классика, 2006. 288 с.

(Freud Z. *Wit and its relation to the unconscious*, Moscow, 2006, 288 p. — In Russ.)

Шохин В. К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // *Философский журнал*. 2021. Т. 14, № 1. С. 20—35.

(Shokhin V. K. The so-called paradox of fiction and transcendental ontology, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 20—35. — In Russ.)

Чанышев А. А. Страдание // *Новая философская энциклопедия* / под ред. акад. В. С. Стёпина: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 642—643.

(Chanyshchev A. A. Suffering, in Stepin V. S. (ed.) *New Philosophical Encyclopedia*, Moscow, 2010, pp. 642—643. — In Russ.)

Номо scriptor: сб. ст. и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / под ред. М. Липовецкого. М.: Новое лит. обозрение, 2020. 688 с.

(Lipovetsky M. (ed.) *Homo Scriptor*, Moscow, 2020. 688 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны Министерства обороны, г. Ярославль, Россия, tkstydia@yandex.ru

Petryakov Leonid Djordzhovich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Yaroslavl Higher Military Air Defense School of the Ministry of Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstydia@yandex.ru